

Позитивистское (мета)теоретизирование Дж.Г.Тернера: основания и наброски стратегии¹

Аннотация

В статье рассматривается генезис исследовательского проекта развития общей социологической теории Дж.Г.Тернера. Методологическими основаниями этого проекта являются позитивизм О.Конта и Г.Спенсера и смягченная версия “логического позитивизма”. Эта методология ориентировала Дж.Тернера на поиски: 1) фундаментальных законов организации и изменений социального мира; 2) определения его основных и общих свойств; 3) связей между этими свойствами и их отражения в виде абстрактных принципов. Проанализирована Тернерова типологизация существующих стратегий теоретизирования в социологии — модельные, пропозициональные, аналитические и метатеоретические схемы. Обобщены Тернеровы оценки потенциалов этих типов социологического теоретизирования. Тернер усматривал наилучшие возможности для социологического теоретизирования в развитии сенсibiliзирующих аналитических схем, формальных пропозициональных утверждений и аналитических моделей. Он считал условием реализации этого потенциала взаимное дополнение этих трех стратегий. Вспомогательную роль в Тернеровом проекте развития общей теории выполняют эмпирические обобщения, причинностные модели, теории среднего уровня, метатеории и другие форматы теоретизирования.

Ключевые слова: теория, метатеория, стратегии теоретизирования, теоретические принципы, позитивизм, номотетический подход

---

¹ Автор выражает благодарность профессору Виктору Танчеру — основателю и первому заведующему отделом истории и теории социологии Института социологии НАН Украины. Виктор Владимирович уже не одно десятилетие поддерживает научные связи с профессором Дж.Г.Тернером и в свое время получил от него в подарок 4 и 5 издания его известного труда “Структура социологической теории”. Эти бесценные тома с авторским дарственным автографом бескорыстный обладатель передал научной библиотеке Института социологии НАН Украины. Содержание указанных книг ощутимо помогло в выяснении основ и особенностей (мета)теоретического подхода Дж.Тернера.

Вступление

Несколько лет назад увидел свет трехтомник “Теоретические принципы социологии” [Turner, 2010a, b, 2012]. Это издание стало одним из итогов полувековой научной карьеры Джонатана Г.Тернера¹. В предисловии к первому тому книги автор связывает перспективы реализации научного потенциала социологии с наличием общей социологической теории. Эта теория призвана: 1) разработать общие понятия, которые отражают ключевые свойства макро-, мезо- и микроуровня человеческой социальной организации; 2) предложить четкие принципы, объясняющие оперативную динамику взаимосвязей этих свойств; 3) обеспечить общее объяснение социальной реальности на всех уровнях организации человечества [Turner, 2010a: p. viii–ix]. Эти задачи по большей части уже решены выдающимися социологами-теоретиками прошлого и современности. В частности, О.Конт, Г.Спенсер, К.Маркс, Э.Дюркгейм, М.Вебер, Г.Зиммель, В.Парето, Дж.Мид, Т.Парсонс, Н.Смелзер, Н.Луман и другие ведущие теоретики разработали немало объяснительных принципов и моделей. Но указанные принципы и модели не были инвентаризированы, формализованы и адекватно объединены. Попытки преодоления такой фрагментации теоретической социологии путем развития ее общей теории нередко наталкиваются на эпистемологический негативизм, острую и сокрушительную критику. Несмотря на это Тернер осмелился бросить вызов господствующим в мировой социологии

---

¹ Джонатан Г.Тернер – широко известный профессор социологии Калифорнийского университета в Риверсайде (США). В первую очередь он прославился как разработчик общей теории социологии. Специализируется также в сферах истории социологической теории, философии науки, сравнительной социологической теории, теоретического конструирования, сравнительного институционализма, социальной психологии, социальной стратификации и неравенства, исторической социологии, расовых и этнических отношений, социальной экологии человека, человеческой и социетальной эволюции, социологии эмоций, эволюционной социологии, нейросоциологии и моделирования социальных процессов. По состоянию на 2015 год Дж.Тернер был автором и соавтором 40 книг и монографий, а также свыше 200 статей и глав в книгах. Значительная их часть неоднократно переиздавалась. В частности, книга “Структура социологической теории” выдержала семь изданий в США – в 1974 (также перевод на русский), 1978, 1982 (также перевод на польский), 1986 (также перевод на китайский и корейский), 1990, 1998 (также перевод на польский, китайский и арабский) и 2002 (также перевод на китайский) языки. Книга “The Emergence of Sociological Theory” тоже была издана семь раз в США – в 1981, 1988, 1994 (также перевод на корейский), 1998 (также перевод на китайский и корейский), 2002, 2006 и 2012 годах. Аналогично его книга “American Ethnicity: A Sociological Analysis of the Dynamics of Discrimination” (первые четыре издания – в соавторстве с Adalberto Aguirre) издавалась семь раз в США – в 1994 (также перевод на японский), 1998, 2000, 2004, 2006, 2008 и 2011 годах. После 2000 года также увидели свет его книги “Face-to-Face: Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior” (2002), “Human Institutions: A Theory of Societal Evolution” (2003), “Sociology” (2006), “Incest: Origins of The Taboo” (2005; в соавторстве с Александрой Марьянски), “Sociology of Emotions” (2005, в соавторстве с Jan E. Stets), “Human Emotions: A Sociological Theory” (2007), “On The Origins of Human Society by Natural Selection” (2008; в соавторстве с Александрой Марьянски), “The Problem with Emotions in Societies” (2011), “Contemporary Sociological Theory” (2013), “Theoretical Sociology: 1830 to the Present” (2013), “Theoretical Sociology: A Concise Introduction to Twelve Theoretical Orientations” (2013), “Revolt from the Middle: Emotional Stratification and Change in Post-Industrial Societies” (2015).

предубеждениям, подозрениям и сомнениям в отношении общих теорий. Он провозгласил “возвращение великой теории” в социологии и очертил “первые шаги в разработке общей социологической теории” [Turner, 2010a: p. 1]. Речь идет о необходимости обобщить сделанное предшественниками и современниками в виде набора относительно небольшого количества абстрактных принципов и моделей. Попытка осуществления этого собственно и представлена в трехтомнике. Ее опыт и результаты заслуживают внимания и тщательного изучения в Украине. Начинать это изучение следует с выяснения оснований и особенностей Тернеровой стратегии развития общей социологической теории путем обобщения теоретических принципов социологии. Знание оснований этого научного проекта сделает возможным постижение и понимание его значимости, сильных и слабых сторон, опыта и перспектив его воплощения.

Методологические основания Тернерового проекта

Тернер подметил, что социологи обычно смущаются при сравнении своей науки со зрелыми науками. Социология выглядит проигрышно не только на фоне естественных наук типа химии, физики и биологии, но и рядом с такими поведенческими науками, как психология, демография и экономика. Ощущение собственной несостоятельности социологов в сопоставлении с этими зрелыми научными дисциплинами Тернер объяснял осознанием отсутствия в социологической науке хорошо развитой формальной теории. Под последней он понимает общепризнанный дисциплинарный корпус теоретических принципов, которые бы позволяли объяснять, почему происходят события в мире. Тернеру импонировали развитые науки, в которых объяснение происходит с применением обоснованного абстрактного принципа к определенному набору эмпирических событий [Turner, 1979/80: p. 145]. Такие принципы на очень высоком уровне обобщения отражают фундаментальные отношения “родовых” (genetic) свойств мира. Поэтому данные принципы применяют поодиночке или в совокупности, чтобы понять, почему мир функционирует определенным образом. Тернер назвал подобное объяснение аксиоматическим, опирающимся на четкие и логические дедукции от абстрактных принципов к конкретным эмпирическим гипотезам. Отсутствие таких общепринятых теоретических оснований в социологии он рассматривал как признак ее незрелости. Это обстоятельство побудило к выяснению того, когда социология уклонилась в своем развитии от достижения зрелости путем развития общих абстрактных теоретических принципов.

Для этого Тернер сравнил стратегии теоретизирования самых выдающихся ранних теоретиков Конта, Спенсера, Маркса, Зиммеля, Дюркгейма, Вебера, Парето и Мида, а также стратегии более поздних теоретических направлений в американской социологии [Turner, 1979]. В итоге было замечено, что первые самоосознанные социологи Конт и Спенсер выстраивали социологию по лекалам естественных наук своего времени. Они считали, что можно обнаружить универсальные фундаментальные законы социальной организации и изменений без чрезмерного сосредоточения на выяснении их причин. Собственно Конт основал позитивистский подход, согласно которому все феномены подчинены неизменным естественным законам, а открытие этих законов и сведение их числа к минимуму — цель всех усилий исследова-

телей. Сокращение количества этих законов необходимо, чтобы ограничить предмет теоретического анализа сугубо инвариантными, базисными, опорными свойствами социального мира. Аналогичным образом Спенсер пытался выявить фундаментальные свойства социального мира и их соотношения и обобщить свои выводы о них как совокупность абстрактных принципов.

Под углом зрения Контового позитивизма считалось невозможным ни одно истинное наблюдение феноменов любого рода, кроме случаев, когда его сначала направляет, а в итоге и интерпретирует какая-либо теория. С другой стороны, согласно Конту, не только факты нельзя наблюдать без управления со стороны теории, но и каждая теория должна основываться на наблюдаемых фактах. Спенсер также подчеркивал, что теория и наблюдения должны быть в постоянном взаимодействии, при котором каждое из них сверяется с другим. Оба ранних теоретика отрицали методологические крайности — метафизическую спекулятивность и “голый” эмпиризм — как преграды, тормозящие развитие социологии. Тернер определил в качестве главного итога их творчества то, что социология приобрела определенную начальную стратегию теоретизирования.

Со временем эта стратегия частично сохранилась и развилась в работах Парето и Зиммеля. Но эти достижения со времени их появления несколько десятилетий подряд социологическое сообщество в основном игнорировало, а затем, после окончательного признания, дало им несколько иные интерпретации. В трудах гораздо более влиятельных Маркса, Дюркгейма и Вебера ранняя теоретическая стратегия Конта и Спенсера была во многом пересмотрена. Ревизия проявилась в пренебрежении поиском универсальных законов социальной организации и общих абстрактных теоретических принципов, которые составляют суть любой развитой науки. Более того, правильность поиска указанных универсальных законов, по сути, обжаловал Маркс своим обоснованием исторического подхода к социальным феноменам. В американской социологии 1930–1980 годов, на взгляд Тернера, перевесила ошибочная реконструкция наследия ранних выдающихся теоретиков: заимствовались и воспроизводились в основном периферийные элементы их теоретических стратегий.

В целом отклонение от стратегии развития общетеоретической почвы, очерченной Контом, Спенсером и Парето, Тернер трактовал как одну из главных причин теоретической незрелости социологии. В итоге социологическое теоретизирование отвлеклось на второстепенные задачи и утратило строгость своих построений. Общетеоретические поиски и разыскания по большей части не одобрялись социологическим сообществом. Теоретизирование такого рода обычно клеймили за “упрощенность” и “оторванность от эмпирики”. И это несмотря на то, что в уважаемых зрелых науках теория развивалась к простым обобщениям и принципам, абстрагировалась от своей эмпирической почвы и временами вообще не тестировалась непосредственно, а только опосредованно. Такая теория по своей природе абстрактна, ибо упрощает и схематизирует видение реальности — возносится над эмпирическими деталями, делает более выразительными основные устойчивые свойства и динамику ее особенностей. Поэтому убежденность в правильности теоретической стратегии, введенной Контом, побуждала Тернера к амбициозной попытке ее современной реинкарнации.

Но Конт считал необходимым моделировать законы социологии по образцу законов современной ему физики. Тогда как Тернер пытался уточнить форму социологических законов, чтобы сделать ее релевантной уровню развития науки в наше время. Он обратил внимание на трактовку научного закона в рамках более современного “логического позитивизма”, намеченных Р.Карнапом, К.Гемпелем, Р.Китом и Дж.Ури [Тернер, 1994: с. 120–122; 1999: с. 105–107]. Согласно этой версии позитивизма, абстрактные научные законы отражают существование неких регулярностей в универсуме и объясняют события, предполагая, что произойдет в конкретном эмпирическом случае. Основой такого объяснения определены “логические дедукции” от закона (explanans) к определенной группе эмпирических явлений (explicandum). Закон здесь используется как основание для утверждений, связывающих его с неким общим классом эмпирических явлений. Эти утверждения также предполагают ожидаемые последствия какого-то конкретного эмпирического случая в пределах данного общего класса явлений. Неподтвержденное предположение становится основанием для пересмотра утверждений теории.

Тернер считал эти критерии логического позитивизма слишком строгими и нецелесообразными для соблюдения в полной мере в исследовательской практике социологов. Во-первых, критерий предвидения нереалистичен в условиях работы исследователей в естественных (не лабораторных) эмпирических системах из-за невозможности контролировать влияние посторонних переменных. Контроль таких посторонних факторов невозможен потому, что они могут быть неизвестными или не подлежать измерению на основании имеющихся методик или исходя из моральных/политических соображений.

Во-вторых, предположения логического позитивизма об однозначности и ясности расчетов, согласно которым осуществляются дедукции от предпосылок к выводам или от explanans к explicandum, не соответствовали действительности. На практике содержание дедуктивной системы каждой научной теории, в том числе в естественных науках, в значительной мере составляли весьма непоследовательные рассуждения — своего рода “фольклорные дедукции” (folk deductions) [Turner, 2010a: p. 6]. Интерпретация эмпирической регулярности в них сводится к ее рассмотрению как проявления более общего процесса, отразившегося в теоретическом принципе. Таким дедукциям присущ одновременно формально-логический и интуитивный характер. Их “расчет”, как правило, основан на интуитивном ощущении того, что один или несколько теоретических принципов релевантны для объяснения. То есть фактическое мышление исследователя, связанное с установлением связи между динамикой, отраженной в абстрактных принципах, и особенностями эмпирического случая, в действительности происходит скорее интуитивно, нежели формально-логически.

В-третьих, недостаток логического (и Контового) позитивизма усматривали в пренебрежении причинностью. Объяснения на основе логических дедукций от предпосылок к выводам недостаточны для социологов, стремящихся не только учитывать связь феноменов, но и анализировать процессы, которые их связывают. Важно знать, как, почему и каким образом инвариантные свойства социального мира приводят к определенному результату в нем. Это делает невозможным игнорирование причинности в анализе основоположных социальных процессов.

В итоге Тернер прежде всего считал необходимым смягчить требование “логического позитивизма”, согласно которому номотетическая теория должна опираться на сугубо логические дедукции от охватывающих законов (covering law) к эмпирическому случаю. Он также отбросил предположение, что номотетическая теория должна быть аксиоматической и проявлять дедуктивную строгость. Такое толкование дедукции должно было упростить практику теоретизирования в социологии, потому как лишало теоретиков необходимости прибегать к псевдодедуктивным объяснениям. В то же время теоретики не должны ограничиваться изучением сугубо инвариантных регулярностей в социальном мире, но обязательно выяснять их причины и механизмы. Свой методологический подход Тернер продолжал считать “номотетическим” взглядом на объяснение, но однозначно отличал его от модели номотетической теории представителей философии науки. То есть он сосредоточился на воспроизводстве стратегии социологического теоретизирования Конта и Спенсера, исходя из современного состояния и возможностей развития теоретической социологии. Впрочем, эти возможности уточнялись в процессе аудита, систематизации и оценки потенциала основных версий социологического теоретизирования.

Типологизация стратегий теоретизирования

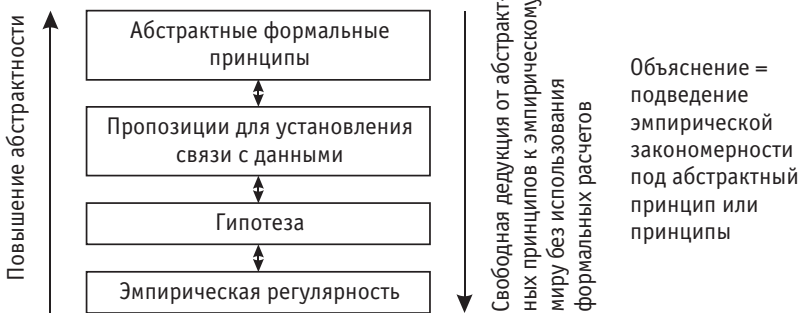
Большинство теоретических подходов в социологии, по наблюдению Тернера, реализованы в формате пропозициональных схем. Пропозиция (proposition) — теоретическое утверждение, определяющее связь между двумя или более переменными. Такое утверждение показывает, как вариация определенного свойства социального мира, обозначенного одним понятием, обуславливается вариацией иного свойства этого мира, обозначенного вторым понятием. Тернер говорит о двух измерениях, по которым преимущественно варьируют пропозициональные схемы. Первый из них — уровень абстрактности пропозиций, заданный уровнем абстрактности понятий, которыми они оперируют. Одни системы пропозиций очень абстрактны, поскольку содержат понятия, которые не обозначают ни одного конкретного случая, но все случаи типа или вида. Другие системы пропозиций, наоборот, могут связываться с эмпирическими фактами и просто подытоживать отношения между событиями в конкретных случаях. Второе измерение вариативности пропозициональных схем — способ объединения и организации пропозиций. В одних случаях пропозиции объединены и организованы по очень явным, выразительным и однозначным правилам. В иных случаях налицо произвольная инвентаризация пропозиций. По критериям этих двух указанных измерений — абстрактности и строгости — Тернер выделил ряд различных типов пропозициональных схем (рис. 1).

Аксиоматический и формальный типы он однозначно идентифицирует как форматы теоретизирования, а пропозициональные схемы среднего уровня и эмпирических обобщений — преимущественно как эмпирические результаты исследований с целью проверки теории. Но эти два последних типа пропозициональных схем фигурируют в Тернеровом сравнении потому, что эмпирические аналитики и исследователи часто рассматривают их как теории отдельных предметных сфер и отраслей социологии. Тернер же считал эти схемы относящимися к эмпирическому знанию.

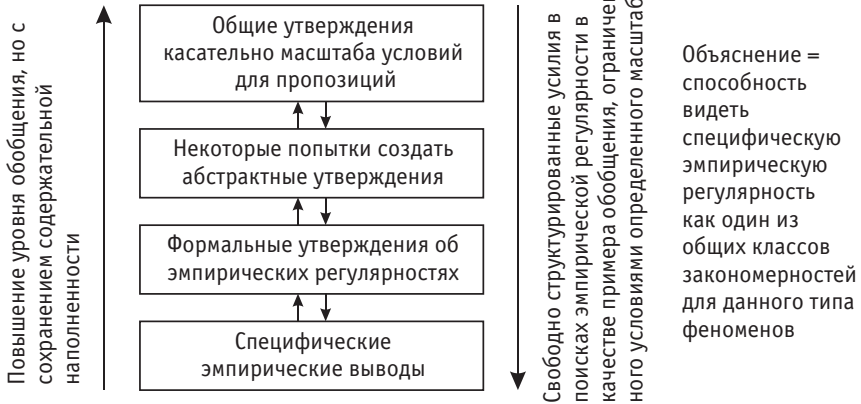
Аксиоматический:

Формальный:

Среднего уровня:

Эмпирического обобщения:

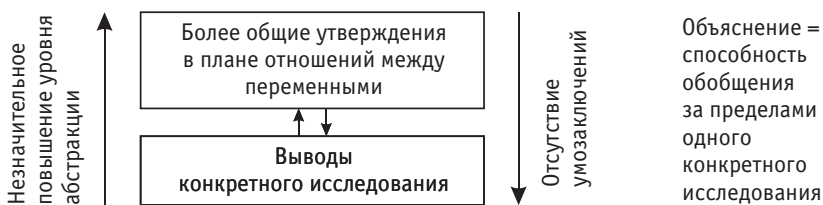

Рис. 1. Типы пропозициональных схем [Turner, 1990b: p. 16–17]

В частности, эмпирические обобщения (*empirical generalization*) о конкретных событиях в конкретных контекстах являются не предельно абстрактными утверждениями, поскольку наполнены эмпирическим содержанием, которое не имеет отношения к вневременным процессам в социальном мире. Немало таких обобщений в виде предложений об эмпирических закономерностях продуцируются в большинстве отдельных предметных сфер социологии.

Пропозициональные схемы среднего уровня, которые часто называют теориями среднего уровня (*middle-range theories*), являются более абстрактными эмпирическими обобщениями, чем эмпирические обобщения из отдельных исследований. В свое время целесообразность их разработки была основательно аргументирована [Мертон, 2006: с. 64–104]. Эмпирическое содержание пропозиций среднего уровня касается более общих переменных, обозначающих целые классы феноменов во многих эмпирических контекстах. Речь идет о феноменах, встречающихся в различных областях социальной реальности или существующих безотносительно ко времени и месту.

Формальный тип пропозициональных схем в социологическом теоретизировании выделяется разработкой высоко (*highly*) абстрактных пропозиций в виде принципов, используемых для объяснения определенных эмпирических событий. Примером артикуляции таких принципов Тернер считал ряд постулатов социального обмена, сформулированных Дж.Гомансом [Turner, 1979/80: р. 145; 1985, р. 26]. Эти пропозиции обычно группируются в иерархическую формальную систему утверждений и трактуются как своего рода законы высшего порядка относительно эмпирических событий. Объяснение эмпирических событий состоит в том, чтобы рассматривать их как проявления или примеры действия этих своеобразных законов. По сути, формальное теоретизирование является попыткой создать и объединить абстрактные принципы по типу группы законов, которые будут основаниями для нестрогих дедукций (*loose deductions*) в объяснениях эмпирических событий. Вместе с тем согласно формальным пропозициям постулированные в них взаимосвязи между понятиями являются истинными (*true*) при отсутствии влияния на обозначенные этими понятиями феномены неучтенных посторонних факторов. Тернер склонен относить к формальному типу большинство теоретических схем в социологии.

По сравнению с формальным типом для аксиоматического типа социологического теоретизирования характерны более строгие пропозициональные построения. Помимо изложения пропозиций в иерархическом порядке, аксиоматическая организация теоретизирования проявляет себя: 1) в разной степени абстрактности/конкретности используемых понятий; 2) совокупностью утверждений существования (*existence statements*), которые определяют сферу условий теории — описывают типы и классы ситуаций, к которым применимы включающие эти утверждения понятия и пропозиции; 3) наличием на вершине пропозициональной иерархии аксиом — высоко (*highly*) абстрактных утверждений, на основе которых согласно разным правилам логически формулируются теоремы — все прочие, менее абстрактные теоретические утверждения. Тернер выделил ряд критериев отбора указанных аксиом, среди которых: обязательная согласованность (непротиворечивость) аксиом друг с другом, но необязательная логическая взаимосвязанность их; высокий уровень абстрактности аксиом; определение аксиомами отношений

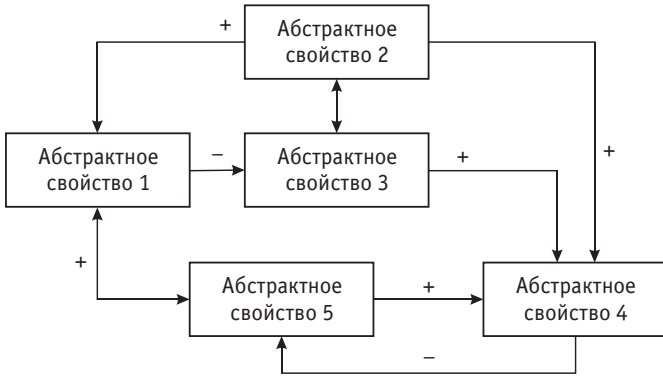
между абстрактными понятиями вроде законов; интуитивное правдоподобие аксиом и самоочевидность их истинности. Конечный результат соответствия теоретизирования аксиоматическим принципам усматривается в совокупности взаимосвязанных пропозиций, каждая из которых исходит, как минимум, из одной аксиомы и обычно более абстрактных теорем. Следует напомнить, что Тернер уже при определении собственных методологических оснований отмечал нереальность аксиоматики в социологии. Поэтому, вероятно, эта стратегия фигурирует в его типологизации теоретических подходов как недостижимый образец или эталон теоретизирования, с которым социологам следует время от времени сверяться, дабы не становиться слишком самоуверенными.

Реализация социологического теоретизирования в формате схем моделирования предполагает визуальную презентацию в доступном для восприятия виде понятий и их соотношений, которые отражают важнейшие свойства и процессы социального мира. Целью здесь является сделать более выразительным видение и углубление понимание указанных свойств и процессов. Согласно Тернеровым убеждениям, большинство схематических моделей в социологии строятся, чтобы подчеркнуть и выделить причинно-следственные связи между определенными свойствами мира. Для репрезентации такой связи модель показывает, как изменения значений одного набора переменных связаны с изменениями значений других переменных. Моделирование можно осуществлять посредством нейтральных языков, в частности математического, — в виде уравнений регрессии, серии дифференциальных уравнений. Но если уравнения не помогают создать некую форму графического представления моделированного, Тернер предпочитает представлять их как пропозиции — к формальным утверждениям соотношений между переменными. В итоге среди элементов модели в качестве схематического изображения социальных событий он выделяет: 1) понятия, обозначающие и освещающие определенные особенности мира; 2) расположение этих понятий в визуальном пространстве для отражения упорядоченности событий в мире; 3) символы для обозначения связей между понятиями — линии, стрелки, векторы, знаки их валентности и т.п. Эти элементы могут быть определенным образом взвешены (*weighted*) или последовательно организованы для отражения событий с течением времени. Также они могут принимать вид сложных схем отношений по типу взаимосвязей, циклов, звеньев обратной связи и других потенциальных способов влияния свойств мира друг на друга. Тернер выделяет аналитический и причинностный типы моделей с отмеченными характеристиками (рис. 2) и указывает два основания такого выделения.

Во-первых, некоторые модели более абстрактны, чем другие, так как понятия в них не привязаны ни к какому конкретному случаю. В других моделях, напротив, понятия просто суммируют статистические отношения между переменными в определенном наборе данных. Во-вторых, более абстрактные модели почти всегда демонстрируют большую сложность в репрезентации причинных связей среди переменных. Эти модели содержат схемы циклов, звеньев обратной связи, взаимных последствий и другие репрезентации связей (*connective representations*). Эти схематизации усложняют интерпретацию причинных связей между переменными в модели и их суммирование на основе обычной статистики. А менее абстрактные модели обыч-

но отражают более выразительную причинностную последовательность среди эмпирических переменных.

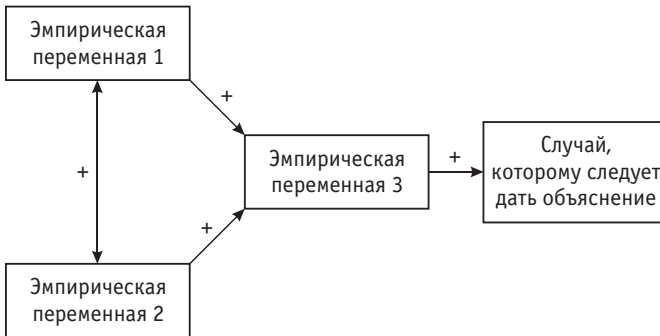
Аналитические модели:

Объяснение = способность составлять карту ключевых связей (при возможности взвешенных) среди основных свойств определенного класса процесса или феномена

↔ = Линии могут быть взвешенными и подписанными

Причинные модели:

Объяснение = отслеживание причинных связей между измеренными переменными, учитывающими вариацию в случае, который представляет интерес

↔ = Линии обычно составляют статистическую ассоциацию среди переменных

Рис. 2. Типы схем моделирования [Turner, 1990b: p. 19]

В частности, тип причинностных моделей в социологии используют для обеспечения детальной интерпретации эмпирических обобщений: причинностные модели, как правило, выявляют независимые переменные, влияющие на изменение некой зависимой переменной, которая интересует исследователей. Чаще всего реализация этой стратегии опирается на применение многомерного статистического анализа при помощи компьютера. В более сложных случаях возможно: 1) выделение промежуточных, или переходных переменных между зависимыми и независимыми переменными; 2) отражение влияний переменных в определенной временной последовательности; 3) выявление некоторых эффектов взаимодействия среди переменных (Тернер приводит пример “путевого анализа” — популярного метода моделирования в американской социологии 1970-х годов). В конечном сче-

те причинностная модель помогает сделать более выразительной эмпирическую связь между переменными в конкретном контексте.

Если причинностные модели более эмпирически обоснованы, делают более выразительными особенности конкретного эмпирического случая и подчеркивают простую линейную причинность, то аналитические модели — более абстрактны, поскольку выделяют общие свойства мира, и более сложны, потому что отражают более широкий набор связей среди переменных. Аналитический тип моделирования в социологии направлен, как правило, на отражение отношений между более абстрактными и более общими процессами. Тернер заметил, что аналитические модели (рис. 2) на практике часто дополняют рассмотренные выше аксиоматический и формальный типы пропозициональных схем (рис. 1). Эти модели используются для спецификации процессов, оперируя сочетанием понятий и пропозиций аксиоматической и, чаще, формальной теории: например, процессы, задействованные в формировании взаимоотношений между конфликтами и солидарностью, или между размерами и дифференциацией в социальных системах. При этом вводятся дополнительные понятия, а взвешенные, прямые, опосредованные, обратные, циклические и другие паттерны их взаимовлияния схематизируются. В итоге аналитическая модель раскрывает то, как и почему связаны свойства мира. В то же время, как уверяет Тернер, аналитические модели (рис. 2) могут быть использованы и для описания процессов, которые образуют связь между переменными в пропозициях среднего уровня (рис. 1). Наконец, возможно также развитие аналитических или причинностных моделей ради них самих — без ссылок на эмпирическое обобщение, теорию среднего уровня, формальную или аксиоматическую теорию. Существенным преимуществом моделирования на фоне альтернативных форматов теоретизирования определено то, что оно упрощает довольно сложную репрезентацию комплексных отношений между многими переменными.

Социологическое теоретизирование в формате аналитических схем направлено на классификацию основных свойств социального мира. Теоретики организуют социологические понятия в классификационную схему, обозначающую ключевые свойства и взаимосвязи между этими свойствами в социальном мире. По словам Тернера, понятия классификационной схемы аналитически разграничивают (*chor up*) социальный мир, а упорядочение понятий придает социальному миру смысл порядка. Поэтому объяснение эмпирического события возможно тогда, когда для него можно найти место в классификационной схеме. Тернер выделил два основных типа аналитических схем (рис. 3).

Схемы сенсбилизации он трактует как не слишком строго подобранные совокупности понятий (*loosely assembled congeries of concepts*), предназначенные для ориентации исследователей на определенные процессы. Под сенсбилизацией понятий (*concepts sensitize*) здесь понимается повышение их чувствительности к важным процессам в социальном мире. В частности, Г.Блумер и Э.Гидденс убеждены, что понятия могут быть только сенсбилизующими устройствами (*sensitizing devices*), которые должны изменяться со сменой социальной реальности [Turner, 1990b: p. 6], ведь социальная реальность в целом изменчива и не проявляет инвариантных свойств. Человеческая деятельность всегда меняет механизмы, отраженные через соотношения понятий в теоретических утверждениях схем сенсби-

лизации. Поэтому данные понятия и их связи в таких схемах всегда должны быть временными и сенсibiliзирующими. Можно лишь интуитивно и временно применить абстрактные понятия к фактическому потоку событий. В итоге сенсibiliзирующие схемы обычно строятся в виде произвольной рабочей рамки понятий (*loose frame-work of concepts*)¹. Эта рамка понятий применяется не только для интерпретации событий, но и для выяснения того, позволяют ли данные понятия лучше понять, как и почему эти события происходят. За исключением определенных очень общих понятийных категорий, схема должна быть гибкой и открытой для пересмотра, исходя из обстоятельств эмпирических изменений мира. Поэтому объяснение здесь является простой интерпретацией событий, рассмотрением их в качестве примера временных и сенсibiliзирующих понятий в схеме.

Натуралистическая схема:

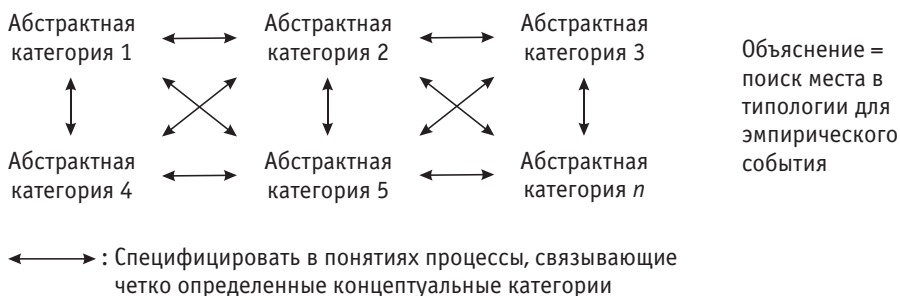

Схема сенсibiliзации:

Рис. 3. Типы аналитических схем [Turner, 1990b: p. 10]

¹ Тернер находит пример подобной схемы в Гидденсовом труде [Гидденс, 2003]. Гидденс считал дискурсивное использование такого рода концептуальных схем единственным возможным в социологии из-за фундаментальной изменчивости социального мира, что делает невозможным выявление законов касательно его инвариантных свойств и процессов.

Стратегия построения натуралистических схем исходит из того, что в социальном мире, как и в физическом и биологическом мирах, существуют вечные и универсальные процессы. Следовательно, цель теоретика заключается в создании абстрактной концептуальной типологии, изоморфной этим бесконечным процессам. Речь идет о: 1) попытке разработать “натуралистическую” схему в виде плотно переплетенной (*tightly woven*) системы категорий; 2) надежде на то, что эта категориальная система предоставит способ упорядочения инвариантных свойств мира. В качестве примера аналитической схематизации Тернер приводит теоретические разработки Т.Парсонса. Наиболее известные Парсонсовы схемы сводятся к выделению четырех подсистем социальной системы общества, соответствующих им четырех структурных компонентов, четырех ключевых аспектов развития и четырех основных функций (схема AGIL) [Парсонс, 1998: с. 24]. Странники аналитических схем усматривают в них необходимую предпосылку для разработки других форм теории: такая схема организует представления о свойствах мира и обеспечивает общую аналитическую структуру, на базе которой разрабатываются пропозиции и модели касательно конкретных событий.

Формат метатеоретических схем Тернер рассматривает как всеохватывающий: метатеоретизирование продуцирует не теории, объясняющие конкретные классы событий, а объяснение основных проблем, которые должны рассмотреть теории. В словарях префикс “мета” в основном определяется при помощи слов “появление позже” или “после” предшествующих событий. В большинства зрелых наук метатеоретизирование возникло после того, как был успешно разработан и использован целый ряд формальных теоретических утверждений и форматов. Тогда ученые задались вопросами: 1) какие основные предположения о мире содержат эти теоретические утверждения; 2) какие стратегии требуют этих утверждений и их организации в форматах или, наоборот, исключают их; 3) какие знания генерируются этими утверждениями и форматами, а что, наоборот, игнорируется.

Тернер же заметил, что в социологии метатеория преимущественно трактуется и практикуется как предпосылка, а не итог развития адекватных теорий (как сказал Тернер по этому поводу: “телегу ставят впереди лошади”). Приверженцы такого преждевременного метатеоретизирования подчеркивают, что невозможно развивать теорию, пока не будут разрешены фундаментальные эпистемологические и метафизические вопросы. Речь идет о выяснении принципиального характера человеческой деятельности, фундаментальной природы человека и сущности общества, характера связей между людьми в обществе, а также правильного способа развития и характера теории и т.п. Эти попытки метатеоретизирования обычно приобретают образ историографического реанализа и реинтерпретации классического теоретического наследия К.Маркса, М.Вебера, Э.Дюркгейма и Т.Парсонса, заложивших основы социологии.

Оценка потенциалов теоретических подходов

Тернер выбрал в качестве критериев аналитического соотнесения описанных форматов и стратегий социологического теоретизирования два их измерения — уровень абстрактности (*level of abstraction*) и степень масштабности (*degree of scope*). То есть все рассмотренные теоретические подходы

сравниваются по тому, насколько абстрактными понятиями и утверждениями они оперируют и насколько широкий круг и высокий ранг феноменов охватывают эти понятия и утверждения. Тернер осознает, что эти два критерия — абстрактность понятий и масштабность феноменов, обозначаемых ими, — не взаимоисключающие, а скорее в определенной мере сопряженные. Ведь процесс абстрагирования предполагает обозначение все большего количества наблюдаемых конкретных случаев, а значит — автоматически увеличивает масштаб феноменов, обозначенных понятиями. Но замысел Тернера заключался не в создании “элегантной типологии”, а в попытке подчеркнуть то, что абстракция сама по себе не всегда означает расширение охвата более важных феноменов в социальном мире. Несмотря на признание пересечения этих измерений, он попытался графически сделать наглядными и объяснить, что теоретические схемы отличаются преимущественно по этим двум взаимосвязанным измерениям — абстрактности и масштабности (рис. 4).

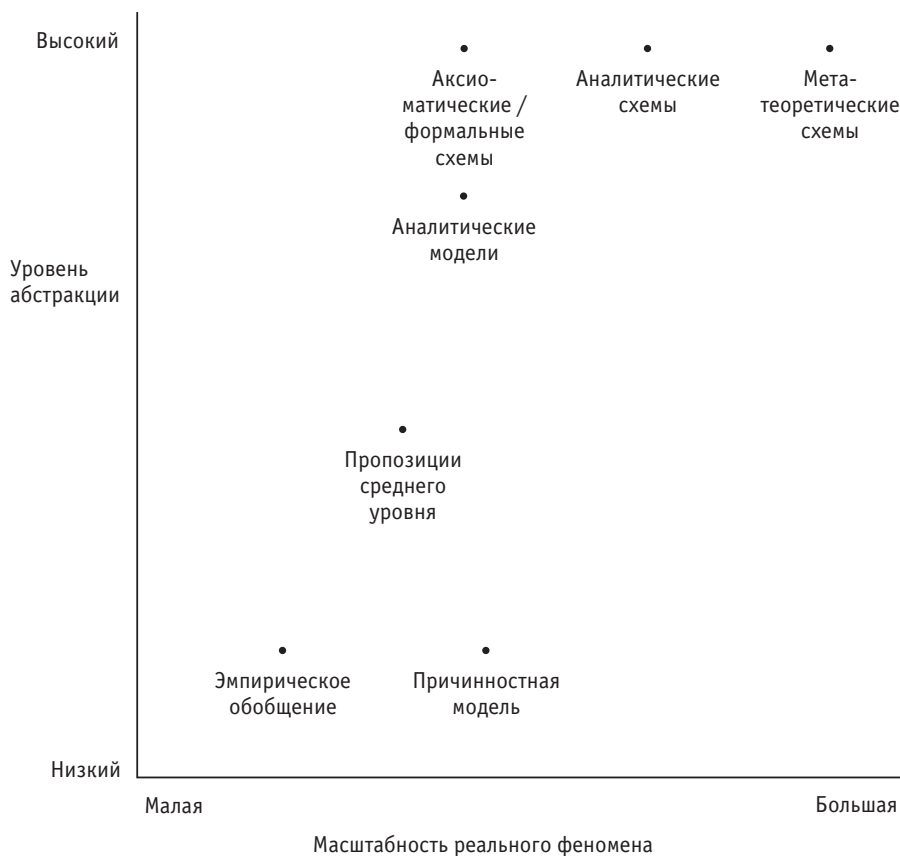

Рис. 4. Вариации в типах теоретических форматов [Turner, 1990b: p. 21]

Что касается абстрактности, Тернер условно локализовал разные теоретические подходы на четырех уровнях. Самые нижние — подходы, связанные с конкретными эмпирическими контекстами: эмпирические обобщения, которые подытоживают определенный набор результатов исследо-

ваний; причинностные модели, которые обычно включают отображение корреляций, связывающих эмпирически измеренные переменные. Выше расположены более абстрактные пропозиции среднего уровня, которые пытаются объяснить события для целого класса феноменов. Но абстрактность понятий этих пропозиций ограничена эмпирическим содержанием, которое они обозначают. Еще выше дислоцированы более абстрактные по сравнению с пропозициями среднего уровня аналитические модели, описывающие общие свойства социального мира для объяснения некоторого общего класса эмпирических событий. На самом высоком уровне находятся наиболее абстрактные аксиоматические/формальные, аналитические и метатеоретические схемы, которые вообще не содержат прямых эмпирических референтов того или иного конкретного времени, места или контекста. Эти типы теоретических схем относятся к основным и универсальным свойствам социального действия, взаимодействия или организации людей и не учитывают никаких конкретных проявлений или контекстов этих феноменов. Но вместе с тем указанные типы охватывают феномены различных масштабов: аксиоматические/формальные схемы касаются более ограниченного диапазона феноменов, чем аналитические и метатеоретические схемы, которые благодаря большему количеству понятий и утверждений обозначают более широкий спектр социальных феноменов.

Несколько в ином порядке Тернер сгруппировал эти же типы стратегий теоретизирования по масштабу или диапазону феноменов, охваченных теоретическими утверждениями. Наиболее ограниченный предметный масштаб у эмпирических обобщений, производных от результатов конкретных исследований, сосредоточенных на ограниченном диапазоне феноменов. Причинностные модели расширяют масштаб эмпирического обобщения, поскольку исследователи часто дополняют анализ дополнительными переменными из-за стремления объяснить большую дисперсию. Теории среднего уровня шире по масштабу, чем эмпирические обобщения и причинностные модели, поскольку пытаются объяснить целый класс феноменов (девиации, урбанизации, революции и т.п.). Однако цель теории среднего уровня по определению заключается в ограничении предметного масштаба для объяснения только одного класса событий. По сравнению с теориями среднего уровня аналитические модели в предметном измерении более масштабны: хотя эти модели тоже касаются определенного диапазона феноменов, они предметно шире, поскольку легко включают другие переменные, могут стать высоко абстрактными и отражать только более общие процессы. Аналогично только ограниченного диапазона феноменов касаются и аксиоматические/формальные схемы: эти схемы сосредоточены сугубо на одном определенном “родовом” (generic) процессе социального мира (формирование консенсуса, конфликт, обмен и др.) и игнорируют остальные. Предметно более масштабными являются аналитические схемы, претендующие на всеобъемлющий охват социального мира и объяснение человеческих действий, взаимодействий и организации в одной крупной схеме. И самые широкие по масштабу — большие метатеоретические схемы, при помощи которых пытаются объяснить все необъяснимое и представить философское обоснование для разработки конкретных форм таких объяснений.

Тернер оценивает потенциал всех очерченных стратегий теоретизирования, исходя из собственных предпочтений в отношении социологической

теории. По его убеждению, такая теория должна быть одновременно в достаточной мере: 1) абстрактной, то есть не перегруженной понятиями с эмпирическими референтами и привязками к конкретным социальным контекстам, ведь эмпирика и социальная конкретика просто делают наглядными теоретические утверждения; 2) точной в определении понятий и в организации понятий в утверждениях о том, что они в принципе могут быть измерены и проверены; 3) тестируемой при помощи эмпирических испытаний на фактах для уточнения данного объяснения реального мира путем последовательного подтверждения правильных, совершенствования “незрелых” и устранения ошибочных утверждений.

Согласно этим условиям, эмпирические обобщения и причинностные модели являются не теорией, а всего лишь полезным суммированием данных, слишком привязанным к эмпирическим контекстам и требующим теоретического объяснения. Поэтому упования некоторых социологов на построение теории на основе резюмирования эмпирических регулярностей Тернер расценил как попытку обнаружить на основе фактов свойства, гораздо более общие, чем свидетельствуют о них эти факты. Пригодная теория вряд ли возникнет вследствие процесса сугубо повышения уровня абстракции из эмпирических результатов: “Необходим гораздо более творческий прыжок понимания, и потому я бы не считал, что развитие теории начинается с полного погружения в эмпирические факты. Я подозреваю, что слишком погруженные в залежи фактов редко возносятся над ними” [Turner, 1990b: p. 24]. Но вместе с тем он не отрицал решающего значения знания эмпирических регулярностей для разработки более абстрактных и всеобъемлющих теоретических утверждений. В частности, причинностная модель позволяет репрезентацию элементов теории среднего уровня с тем, чтобы связать эти элементы со специфичной конкретного эмпирического контекста. При этом более абстрактные переменные переводятся в конкретные эмпирические показатели, а также предпринимаются попытки репрезентации других переменных, которые в свою очередь влияют на связь между зависимой и независимыми переменными в данном эмпирическом случае. По наблюдению Тернера, тип причинностных моделей (рис. 2) на практике обычно дополняет отдельные типы рассмотренных выше пропозициональных схем (рис. 1).

Пропозиции среднего уровня Тернер считал малополезными для старта развития теории: обычно они слишком переполнены эмпирическим содержанием, в основном не касающимся базовых, устоявшихся и более общих черт социального мира. Теоретики, которые теоретизируют на среднем уровне (по Мертону), все больше превращаются в эмпирических аналитиков, поскольку пытаются разработать способы проверки своих теорий. Тернер заметил, что их пропозиции все больше уподобляются эмпирическим обобщениям, постепенно дополняясь эмпирически-исследовательским содержанием. А вот уровень абстракции теорий среднего уровня путем извлечения существенных и эмпирических референтов повышается очень редко. Причина склонности в основном проверять пропозиции, а не эксплицировать более общее и более абстрактное их содержание усматривается в том, что они легко проверяются, ведь обобщения наполнены содержанием и представлены пропозиционально. В итоге теории среднего уровня в разных конкретных предметных субполях социологии недостаточно абстрактны и преимущественно оказываются сериями итогов эмпирических обобщений, которые сами нуждаются в теоретическом объяснении. Но обобщения сред-

него уровня, как и в целом эмпирические обобщения, могут иметь определенный теоретический потенциал. Поскольку они разнятся по мере этого потенциала, Тернер настаивает, что целесообразно считать их теоретическими при условии, если: 1) их переменные относительно абстрактны; 2) они касаются основных и фундаментальных свойств социального мира, являющихся предметами и других основных сфер исследований.

Среди преимуществ аксиоматического развития теории Тернер отметил, во-первых, возможность применения высоко абстрактных понятий, охватывающих широкий круг связанных феноменов. Эти абстрактные понятия не должны быть непосредственно измеренными, поскольку они логически связаны с более конкретными и измеряемыми пропозициями. А последние, когда они эмпирически проверены, могут опосредованно отображать более абстрактные пропозиции и аксиомы для эмпирического тестирования. Вследствие такой логической взаимосвязи пропозиций и аксиом теоретизирование может стать более эффективным, поскольку невозможность эмпирически опровергнуть определенную пропозицию опосредованно доказывает достоверность иных пропозиций и аксиом. Во-вторых, использование такой логической системы вывода пропозиций из абстрактных аксиом позволяет генерировать дополнительные пропозиции о не известных или не предполагававшихся ранее отношениях между социальными феноменами.

Но в то же время Тернер вновь указал на некоторые фатальные ограничения использования аксиоматической теории в социологии. Ее можно использовать только тогда, когда: 1) существуют очень точные определения понятий; 2) понятия организовываются в пропозиции с использованием точного исчисления, которое однозначно указывает на отношение между ними; 3) существует контроль над всеми потенциальными посторонними переменными, поскольку тесная логическая система дедукции от аксиомы к эмпирической реальности не искажена посторонними факторами. Но Тернер не видел возможностей корректного — со строгим соблюдением правил дедукции — использования важнейших понятий и пропозиций в социологии: эти понятия не установлены с достаточной точностью и не могут быть включены в пропозиции, которые однозначно определяют связь между ними. Также социологи редко могут обеспечить контроль над всеми потенциальными посторонними переменными, и не всегда можно исключить искажающие эффекты их влияния.

Поскольку Тернер не видел возможности корректно реализовать в социологии аксиоматику в полной мере, он обнаружил, что ее ограничения часто игнорируются в пропозициональном теоретизировании с использованием атрибутики аксиоматической теории. Это ведет к продуцированию, в лучшем случае, псевдоаксиоматических схем в виде пропозициональных схем формального типа. В целом именно такой тип нестрогой или ослабленной версии аксиоматических схем преобладает в социологическом теоретизировании. Этот тип — формальное теоретизирование — Тернер определил как наиболее пригодный подход в развитии теории, поскольку он содержит абстрактные понятия, связанные с достаточной точностью, чтобы подлежать проверке.

Но отправной точкой для перспективного формального теоретизирования Тернер склонен считать аналитическое моделирование. Он утверждает, что аналитические модели могут быть в большей степени интуитивными (*insightful*), но в целом трудно проверяются: они содержат слишком много понятий с совершенно разными связями, чтобы их можно было непосред-

ственно испытывать. Итак, наиболее полезным представляется использование аналитической модели для определения процессов, благодаря которым связываются понятия в формальном утверждении. То есть модель должна делать наглядным то, почему, как и благодаря каким основным процессам связаны разные феномены. Выделяя эти основные процессы и отражение их взаимосвязей, можно лучше постичь смысл важных социальных процессов, о которых нужно развивать формальные пропозиции. И хотя аналитическая модель в целом не подлежит точному апробированию из-за своей чрезмерной сложности, ее можно разложить на абстрактные пропозициональные утверждения, которые поддаются окончательному тестированию.

Несмотря на то, что аналитические схемы рассматривались их разработчиками как необходимая предпосылка для продуцирования тестируемых теоретических утверждений, Тернер упрекал их в неперепроверяемости и неточности. Он не разделял мнения тех, кто считал сенсibiliзирующие схемы альтернативой науке и отмечал, что многие из этих схем слишком интуитивны (*insightful*). По его утверждению, разработчики схем сенсibiliзации сумели обозначить универсальные и “родовые” (*generic*) свойства социального мира и предлагали глубокие идеи об их динамике. Вместе с тем Тернер отметил, что схемы сенсibiliзации в итоге становятся самоподтверждаемыми (*self-reinforcing*) из-за собственной нестрогой структурированности и нечеткости: факты всегда могут направляться на соответствие этим схемам, следовательно, основания для их пересмотра отсутствуют. Разумеется, такого рода схема никогда не может быть опровергнута или усовершенствована с учетом фактических эмпирических событий. Поэтому Тернер пришел к выводу, что сенсibiliзирующие схемы полезнее всего тогда, когда они используются для ориентации на важные феномены, а потом разрабатываются с пропозициями и аналитическими моделями.

Аналогично самоподтверждаемыми становятся и натуралистические схемы, проявляющие тенденцию к “чрезмерной озабоченности их архитектурным величием”: “Стремясь построить упорядоченную схему, отражающую на абстрактном уровне эмпирический мир во всех его измерениях, натуралистические схемы становятся все более сложными; поскольку новые элементы добавляются к схеме, усилия по согласованию новых частей с прежними преобладают над тем, как сделать схему проверяемой. Более того, схему в целом невозможно проверить, поскольку отношения между ее элементами охватывают столь широкий спектр явлений и редко изложены с достаточной точностью. И если неточность усложняется абстрактностью, то эмпирические тесты встречаются нечасто, поскольку непонятно, как протестировать любую часть схемы” [Turner, 1990b: p. 24]. В итоге непрерывное разветвление системы аналитических категорий становится самоцелью теоретизирования подобного рода, что в свое время и сделало наглядным теоретическое наследие Парсонса. Но социологическая теория не может ограничиваться одной лишь классификацией или таксономией понятий. Это лишь начало, но далеко не конец теоретизирования. Система категорий, которая упорядочивает эмпирические наблюдения, или таксономия как описание закономерностей мира требует теоретического объяснения. Наконец натуралистические схемы слишком жесткие и сложные, чтобы стимулировать теорию за пределами параметров, полагаемых самой этой схемой.

Как контрпродуктивные Тернер расценивал попытки создания метатеории, предшествующие разработке более точных теоретических утверждений.

Такое преждевременное метатеоретизирование увязает в длительных философских дебатах: идеализм vs материализм, субъективизм vs объективизм, реализм vs номинализм, индукция vs дедукция, причинность vs ассоциация и т.д. Результатом этого становятся неразрешимые теоретические дилеммы конфликта/интеграции, действия/структуры, определяющей силы либо ценностей и верований, либо материальных условий существования людей. И в итоге “сторонники разных философских лагерей становятся настолько занятыми своими дебатами (которые по своей природе никогда не могут закончиться), что уже никогда не переходят к развитию теории” [Turner, 1990b: p. 24]. А метатеоретические схемы остаются диффузными, неточными и малосодержательными. Метатеоретизирование как метаанализ теоретического корпуса социологии превратилось в самоподдерживаемое и самоосвещающее упражнение с мизерным эффектом от накопления знаний [Turner, 1991: p. 249]. Метатеория стала самоцелью, которая задерживает развитие теории. Социологическое теоретизирование раздробилось на конкурирующие центры теоретиков, которые занимают взаимоисключающие позиции в дискуссиях. А метатеоретики, по определению призванные помочь решить эти споры теоретиков, вместо этого лишь усиливают и углубляют их.

В целом Тернер считал сущностью современной социологической теории то, что она в основном является серией натуралистических аналитических схем, аналитических схем сенсбилизации и разнообразных структурированных систем абстрактных формальных пропозиций. Дилемма способов построения социологической теории проявляет себя преимущественно как: 1) разработка высоко формальных систем абстрактных законов и их строгого тестирования с точностью процедур измерения как в естественных науках; 2) очерчивание круга общих понятий, которые сенсбилизуют и ориентируют на важные процессы в социальном мире, используются как их интерпретационные рамки и не подлежат строгой проверке.

В то же время Тернер зафиксировал определенные тенденции в предпочтениях стратегий теоретизирования в зависимости от эпистемологических позиций и масштаба предметной специализации теоретика. В частности, формальные схемы пропозиций и натуралистические аналитические схемы обычно используют теоретики, которые пытаются развивать социологию по образцу естественных наук и/или сосредотачивают свое внимание на макроструктурных процессах. Напротив, теоретики, которые не разделяют стремление уподоблять социологию естественным наукам и/или концентрируются на постижении микросоциальных феноменов, как правило, отдают предпочтение использованию сенсбилизующих аналитических схем. Такое отсутствие единогласия среди социологов другие исследователи обычно трактуют как мультипарадигмальность социологической науки [Танчер, 1994: с. 9]. Тогда как Тернеров диагноз состояния социологического теоретизирования вообще оспаривает парадигмальность социологии в силу ее незрелости: “Значительная часть того, что называют социологической теорией, на самом деле является лишь свободной (loose) кластеризацией неявных предположений, неких основных понятий и разного рода теоретических утверждений и форматов. Но ни один из них не доминирует или не является достаточно точным, чтобы сформировать парадигму. Иногда предположения выражаются явно и служат для инспирирования абстрактных теоретических утверждений, содержащих четко определенные понятия, но большинство социологических теорий представляют собой словесный “образ общества”, а не

строго построенный набор теоретических утверждений, организованных в логически согласованном формате. Таким образом, большая часть “теории” в действительности является общей перспективой или ориентацией на рассмотрение разных черт социального мира” [Turner, 1990b: p. 29–30].

Итак, ни один теоретический подход не признается достаточно последовательным, точным и доказанным, чтобы образовать парадигму абстрактных понятий и законов, а также подтвержденных результатов исследований. Поэтому Тернер предполагает, что понятие парадигмы, введенное в научный оборот Т.Куном, слишком сильное (*strong*) для того, чтобы отражать реальное текущее состояние социологического теоретизирования. В итоге он определяет социологию как *пред-парадигмальную* (*pre-paradigmatic*) науку. Развитие полноценной социологической парадигмы имеет целью Тернера стратегия теоретизирования, очерченная исходя из выяснения недостатков и преимуществ подобных стратегий его предшественников.

Наброски позитивистской стратегии (мета)теоретизирования

Методологическое самоопределение и аудит возможностей социологического теоретизирования придали Тернеру смелости и воодушевления решительно и твердо провозгласить от лица социологов: “мы способны открыть абстрактные законы инвариантных свойств универсума, но такие законы будут требовать дополнения сценариями (моделями, описаниями, аналогиями) процессов, которые лежат в основе этих свойств” [Тернер, 1994: с. 122; 1999: с. 107]. Он не обнаружил необходимых конфликтов между теоретическими подходами к накоплению знаний в социологии. Настоящие конфликты наблюдались лишь между теоретиками, которые настаивали на наибольшей весомости своего подхода к развитию теории. С этой точки зрения конкурентная и конфликтная самоизоляция теоретических стратегий предстает как непродуктивная для каждого из них в отдельности, ведь только в тесной взаимосвязи они могут стать плодотворными.

Отсюда Тернеров теоретический подход предполагает выборочную интеграцию потенциалов рассмотренных выше стратегий социологического теоретизирования. Собственную интегративную стратегию развития социологической теории он наглядно схематизирует (см. рис. 5).

Локализация каждого теоретического подхода в визуальном пространстве схемы отражает идеализированный взгляд Тернера на правильное место и роль подхода в генерации знаний. Итак, его стратегия в целом заключается в том, чтобы: “строить гибкие, сенсibiliзирующие аналитические схемы, абстрактные законы и абстрактные аналитические модели, использовать каждую из этих трех аналитических стратегий как корректировку к двум другим; затем испытывать абстрактные суждения на их правдоподобие” [Тернер, 1994: с. 154; 1999: с. 152]. С началом накопления целостных совокупностей формальных законов на основе потенциала схемы сенсibiliзации желательно получить основные понятия и рассмотреть их в качестве основных сенсibiliзирующих и ориентировочных понятий социологии. То есть можно начинать теоретизирование с построения сенсibiliзирующих аналитических схем. Это должно обеспечить предварительное выделение ключевых свойств социального мира. На основе разработанных схем сенсibiliзации можно выводить формальные абстрактные пропозиции, которые подлежат тестированию, и аналитически моделировать про-

цессы, отражаемые сочетанием понятий в этих пропозициях. Вывод формальных пропозиций и аналитическое моделирование их контента может приводить к пересмотру исходной схемы сенсбилизации. Впрочем, самым важным для развития теории Тернер считает обмен между формальными пропозициями и аналитическими моделями: “Существует творческая синергия между переводом пропозиций в модели и переводом моделей в пропозиции. Это уровень, на котором в основном должна создаваться теория” [Turner, 1990b: p. 26–27]. Архитектура аналитической модели может побуждать и к пересмотру формальной пропозиции. Но в целом все эти три типа теоретизирования взаимно усиливают друг друга и могут стать почвой для выхода на уровень аксиоматики.

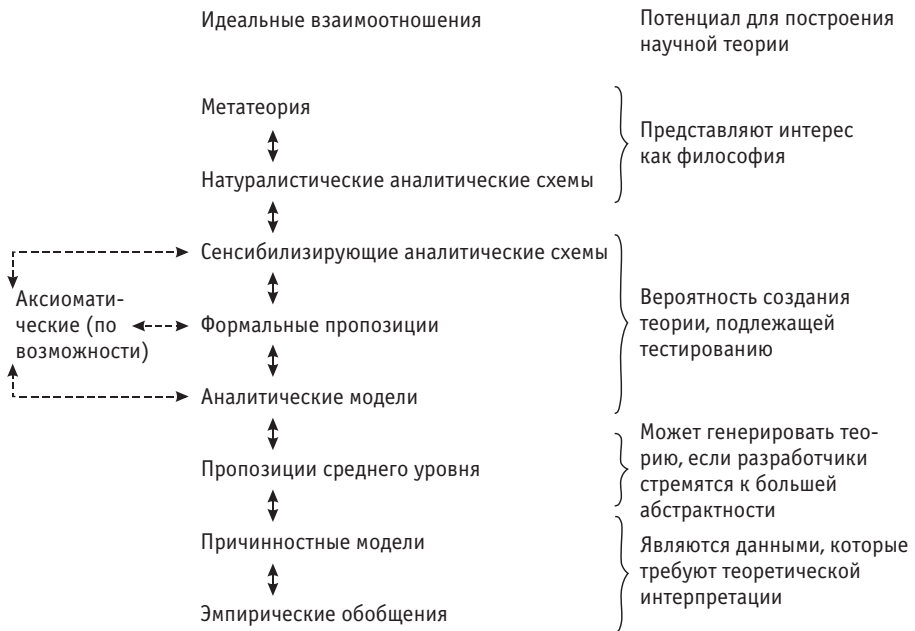

Рис. 5. Взаимоотношения между теоретическими подходами и потенциалом построения теории [Turner, 1990b: p. 26]

Предметом теоретизирования здесь должно быть лишь то, что является общим и универсальным для социального мира, а не постоянно изменяющиеся эмпирические закономерности. В частности, в свое время ранние теоретики социологии выделили среди универсальных и фундаментальных свойств социального мира взаимодействия, обмен, продуктивность, дифференциацию, (дез)интеграцию, конфликт, власть, иерархии и т.п. [Turner, 1979: p. 438–446]. В Тернеровом понимании теория должна сводиться к артикуляции общих принципов, объясняющих взаимосвязи этих свойств. В сохранении теории на таком высоком уровне абстракции усматривалась возможность предотвратить ее нежелательное усложнение.

Конечный критерий валидности теоретических принципов усматривался в том, отражают ли они динамику некоторых свойств мира, которые всегда присутствуют, когда люди действуют, взаимодействуют и организовываются [Turner, 2010a: p. 7]. Тернер склонен рассматривать общую тео-

рию человеческой социальной организации как произвольную совокупность абстрактных принципов, которые можно использовать, чтобы объяснить некоторую эмпирическую регулярность. Предпосылкой объяснения определяется способность увидеть эмпирические структуры и процессы как примеры более общих типов социокультурных образований, управляемых небольшим набором основных социальных сил, объясняемых теоретическими принципами. Несмотря на взаимосвязи между “родовыми” силами социального мира, принципы, отражающие эти взаимосвязи, не стоит интегрировать в систему: “Принципы не нужно упорядочивать в некой большей метатеоретической системе; вместо этого каждый принцип может стать действующим самостоятельно и, по сути, должен оставаться действующим самостоятельно, поскольку как только вы пытаетесь построить логическую систему принципов, происходит экспоненциальное усложнение” [Turner, 2010a: p. 8]. Таким образом Тернер пытается помешать бесконечным попыткам сведения принципов в целостную и согласованную теорию по образцу системы категорий Т.Парсонса, чтобы избежать судьбы последней.

Остальным типам социологического теоретизирования в Тернеровой стратегии развития социологической теории отведены вспомогательные задачи. В частности, Тернер считает, что разработчики пропозиций среднего уровня редко осознают и реализуют их теоретический потенциал, поскольку чаще всего продуцируют эмпирические обобщения, а не формальные пропозиции. Он рассчитывает на то, что пропозиции среднего уровня могут дать теоретикам основания для аналитического моделирования, которое, в свою очередь, будет способствовать развитию более абстрактных пропозиций. Но стимулировать теоретиков среднего уровня повышать уровень абстрагирования своих эмпирически построенных утверждений может уже существующая совокупность полезных абстрактных пропозиций. По замыслу Тернера, теории среднего уровня также могут стать орудием, при помощи которого более абстрактные пропозиции будут согласованы с разными конкретными эмпирическими проблемами. То есть теоретизирование среднего уровня рассматривается как вероятная часть дедуктивного исчисления формальной теоретической системы.

Хотя Тернер не считает теоретическими причинностные модели и эмпирические обобщения сами по себе и без “творческих прыжков в масштабах и абстракции”, он рассчитывает на потенциал техник обобщения исследований и причинностного моделирования эмпирических переменных. Их полезность усматривалась прежде всего в том, что они: 1) должны сделать возможным постижение смысла эмпирических закономерностей; 2) помогут проверять следствия формальных теорий; 3) будут стимулировать индуктивные усилия для разработки более абстрактных пропозиций большего масштаба. В этом контексте неоднократно подчеркивается плодотворность в практике теоретизирования процесса абдукции (abduction) — одновременного сочетания логик индукции и дедукции [Turner, 1979/80: p. 149; 2006: p. 453]. Речь идет о выходе за рамки случаев, когда теории возникают вследствие индуктивного процесса оценки эмпирических данных или являются дедуктивными по происхождению. Построение теории на основе абдукции происходит вследствие циклического движения мысли теоретика “вперед и назад” между абстрактным и “родовым”, с одной стороны, и эмпирическим и историческим — с другой. При этом эмпирические знания неоднократно используются для оценивания и уточнения абстрактных понятий — и наоборот.

Несмотря на определение метатеории и натуралистических аналитических схем как “интересной философии, но плохой теории”, Тернер не был склонен пренебрегать их потенциалом. Он предполагал, что метатеоретические рассуждения (considerations) могут быть составляющей общей аналитической схемы или системы формальных пропозиций, и это позволит рассматривать и учитывать ожидаемые последствия таких рассуждений для теоретической схемы. Обдумывание метатеоретических последствий формальной аналитической схемы представляется возможным после ее построения: “...такие рассуждения могут помочь переформулировать или уточнить аналитические схемы, которые, возможно, помогут построить новые или восстановить прежние формальные пропозиции” [Turner, 1990b: p. 26]. Но собственно имеющиеся метатеории и аналитические схемы Тернер считал безнадежно самодостаточными и оторванными от той реальности, которую они, возможно, когда-нибудь помогут объяснить. Таким образом, он в который раз подчеркивал необходимость целостной совокупности формальных законов, которые бы делали возможным возвращение метатеорий и аналитических схем в область тестирования.

Позже Тернер стал еще более лояльным к социологическому метатеоретизированию. В его статьях уже различались “злоупотребление и использование метатеории” и подразумевалась возможность “разработки кумулятивных и практических знаний через метатеоретизирование” [Turner, 1990a; 1991]. По собственному признанию Тернера, свою крайнюю позицию неприятия этого формата он пересмотрел под влиянием ее критики со стороны Дж.Ритцера, а также под впечатлением¹ от убедительно обоснованной Ритцеровой типологии метатеоретизирования [Turner, 1991: p. 251]. Тернер признал свою личную причастность ко всем трем типам метатеоретизирования, которые выделил Ритцер, исходя из конечной цели развития метатеории: 1) более глубокое понимание теории в ее историческом, когнитивном, контекстуальном и организационном контексте; 2) анализ существующих теорий и использование их для построения лучших теорий; 3) создание общетеоретической основы, которая выходит за рамки имеющихся теорий и интерпретирует их. Но вместе с тем Тернер уточнил, что его собственное метатеоретизирование преимущественно включает целенаправленный детальный анализ и синтез имеющихся теорий для создания лучшей теории, то есть относится ко второму из этих Ритцеровых типов. Как раз с этим типом он связывал свое упование на развитие полезной и актуальной кумулятивной социологической теории, поскольку усматривал в нем потенциал для объяснения фундаментальной оперативной динамики социального мира. От двух остальных типов метатеоретизирования из Ритцеровой типологии Тернер не ожидал особой пользы для развития социологии и считал целесообразным оставить их историкам и философам. В итоге он настолько утвердился в роли метатеоретика, что даже рискнул высказать свои предостережения от практики метатеоретизирования в виде ряда “метатеоретических табу”:

1. Избегать разговоров о теоретиках. Вместо этого говорить о теориях.

---

¹ Тернер определил эту Ритцерову типологию как “мета-метатеорию” (meta-meta-theory) — переход на следующий, еще более высокий уровень метатеоретизирования [Turner, 1990a: p. 38].

2. Избегать обсуждений интеллектуального контекста, места и времени. Вместо этого обсуждать социальные процессы, которые обозначены понятиями, моделями и пропозициями.
3. Избегать дискуссий по поводу философских вопросов. Вместо этого вложить энергию в простые допущения, что существует мир, и что его можно понять, используя понятия, модели и пропозиции.
4. Избегать обязательств в отношении идеологий. Вместо этого разрабатывать понятия, модели и пропозиции, обозначающие оперативные процессы в мире (всегда найдется тот, кто проявляет идеологические предубеждения и без нашей помощи).
5. Игнорировать детали истории. Вместо этого рассматривать те общие (general) и “родовые” (genetic) процессы, которые разнятся по времени и месту (оставить что-то историкам или если использовать историю, то только для эмпирического теста либо оценки теории или модели) [Turner, 1990a: p. 39–40; 1991: p. 252].

Первые два предостережения, по сути, отрицали целесообразность одного из Ритцеровых типов метатеории, который направлен на более глубокое понимание теории в ее историческом, когнитивном, контекстуальном и организационном контексте. Здесь для Тернера образцом-мерилом были продуктивные зрелые, в частности, естественные науки: их представители в абсолютном большинстве не прибегали к биографическим и историографическим исследованиям теоретизирования в своих отраслях, а собственно теоретизировали. В то же время в предостережениях в отношении философских дискуссий отражались опасения, до сих пор разделяемые многими социологами. В частности, в плане разрешения социологических теоретических дилемм как “неисчерпаемого по дискурсивной изобретательности выяснения вечных для схоластов всех времен и народов вопросов” вроде “вопроса о первичности курицы или яйца” [Головаха, 2004: с. 10, 11]. “Табу” идеологических предубеждений аргументировалось непродуктивностью как безнадежно пессимистической критики социальной действительности с одновременной пропагандой социальных утопий, так и ее безоглядной апологетики.

Призыв игнорировать исторические детализации в социологическом метатеоретизировании не означал, что Тернер отрицает историзм как продуктивную эпистемологию. Наоборот, он неоднократно подчеркивал, что наиболее интеллектуальный результат в социологических объяснениях должны генерировать позитивизм и историзм [Turner, 1992: p. 55; 2006: p. 461]. По его утверждению, ни один из этих двух типов объяснения не превосходит другой: они являются просто двумя очень разными способами понять социальный мир, которые могут дополнять друг друга. Позитивист создает номотетическое объяснение — выводит общие законы оперативной динамики основных свойств социального мира в любое время и в любом месте. Эти законы используются затем для постижения конкретных эмпирических событий. В свою очередь, историк описывает события в их исторических контекстах как следствия уникальной констелляции и пересечения воздействий разных факторов в определенный момент времени. То есть выясняется совокупность и последовательность событий, вызывающих определенный отдельный результат.

Вместе с тем Тернер не только очерчивал своими предостережениями рамки возможного и целесообразного в метатеоретизировании, но и детально

инструктировал по поводу его проведения. Он рекомендовал метатеоретикам собственные “рецепты” реализации этой исследовательской практики:

1. Оценить ясность и адекватность понятий, пропозиций и моделей.
2. Предложить точки сходства (similarity), совпадения (convergence) или расхождения (divergence) с другими теориями.
3. Объединить существующие эмпирические (в том числе исторические) исследования, чтобы оценить достоверность теории.
4. Выбрать (extract) то, что считается полезным и правдоподобным в теории, а не то, что уступает по этим критериям.
5. Синтезировать теорию или ее части с другими теориями.
6. Переписать (rewrite) теорию в свете эмпирических или концептуальных рассуждений.
7. Формализовать теорию, точнее сформулировав ее.
8. Переформулировать (restate) теорию на лучшем языке.
9. Сделать умозаключения (make deductions) из теории, чтобы облегчить эмпирическую оценку [Turner, 1990a: p. 40; 1991: p. 253].

Каждая из этих инструкций показывает, что рамки между Тернеровыми версиями социологического теоретизирования и метатеоретизированием весьма размыты. В более поздних своих работах он не просто не подчеркивал эти рамки, но и вообще довольно редко оперировал терминами “метатеория”, “метатеоретизирование” и “метатеоретическое”. Но в целом стремление Тернера вывести общие теоретические принципы социологии можно трактовать как попытку построения социологической метатеории.

Выводы

Тернера вдохновляло творческое наследие ранних теоретиков социологии, которые сосредоточивались на универсальных и фундаментальных свойствах социального мира. Под впечатлением от их достижений он считал, что социологическая теория должна раскрывать общее в социальном мире, а не конкретное по времени и контексту, а потому социологическое теоретизирование должно начинаться с выделения фундаментальных свойств социального мира, выходящих за рамки обстоятельств времени, места и контекста. Нужно выявлять общие основания всех случаев социальной организации людей и разрабатывать соответствующие понятия. Следующим шагом должно стать определение ключевых отношений и связей между основными свойствами мира, обобщение и отражение этих связей в виде совокупности абстрактных принципов, которые должны стать основой для понимания социального мира. В то же время интересы теоретиков должны выйти за пределы изучения сугубо инвариантных регулярностей в этом мире и охватить изучение их причин и механизмов. При этом социологам не следует чрезмерно утруждать себя достижением той формы аксиоматических умозаключений (deduction), которая отвечает строгим требованиям логического позитивизма.

Опираясь на сравнительный анализ известных теоретических подходов в социологии, Тернер убедился, что самые лучшие возможности для социологического теоретизирования открываются при построении и взаимодополняемом применении: 1) сенсibiliзирующих аналитических схем; 2) формальных пропозициональных схем; 3) аналитических моделей. Схемы сенсibiliзации позволяют обозначить ключевые свойства социального мира, ко-

торые подлежат теоретизированию. Формальный тип пропозициональных схем может стать орудием для вывода общих объяснительных принципов основных взаимосвязей этих свойств. Аналитическое моделирование способно обеспечить объяснение локальных эмпирических закономерностей на основе общих теоретических принципов. Реализация всех этих возможностей в исследованиях Дж.Тернера последних лет будет предметом моих последующих работ.

Источники

Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации / Энтони Гидденс ; пер. с англ. — М. : Академ. проект, 2003. — 528 с.

Головаха Є. Соціологічне знання: специфіка, критерії науковості та перспектива розвитку / Євген Головаха // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2004. — № 1. — С. 5–14.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон ; пер. с англ. — М. : АСТ : Хранитель, 2006. — 873, [7] с.

Парсонс Т. Система современных обществ / Толкот Парсонс ; пер. с англ. — М. : Аспект Пресс, 1998. — 270 с.

Танчер В. Теория в социологии: особенности и пути ее развития (вместо введения) / Виктор Танчер // Социологическая теория сегодня : сборник статей американских и украинских теоретиков / под ред. В. Танчера. — К. : Ин-т социологии НАНУ, 1994. — С. 3–11.

Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование / Джонатан Тернер // Теория общества: фундаментальные проблемы / под ред. А. Ф. Филиппова. — М. : Канон-пресс-Ц, 1999. — С. 103–156.

Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование / Джонатан Тернер // TESIS. — 1994. — Вып. 4. — С. 119–157.

Turner J.H. Developing Cumulative and Practical Knowledge through Metatheorizing / Jonathan H. Turner // Sociological Perspectives. — 1991 (Autumn). — Vol. 34, № 3: Recent Explorations in Sociological Metatheorizing. — P. 249–268.

Turner J.H. Explaining the Social World: Historicism versus Positivism / Jonathan H. Turner // The Sociological Quarterly. — 2006. — № 47. — P. 451–463.

Turner J.H. If Not Positivism, Then Why Is Sociology Important? / Jonathan H. Turner // The Canadian Journal of Sociology / Cahiers canadiens de sociologie. — 1992 (Winter). — Vol. 17, №1. — P. 54–61.

Turner J.H. In Defense of Positivism / Jonathan H. Turner // Sociological Theory. — 1985 (Autumn). — Vol. 3, № 2. — P. 24–30.

Turner J.H. Sociology as a Theory Building Enterprise: Detours from the Early Masters / Jonathan H. Turner // The Pacific Sociological Review. — 1979 (Oct.). — Vol. 22, № 4. — P. 427–456.

Turner J.H. The Misuse and Use of Metatheory / Jonathan H. Turner // Sociological Forum. — 1990a. — Vol. 5, № 1. — P. 37–53.

Turner J.H. The Structure of Sociological Theory / Jonathan H. Turner. — 5th ed. — Belmont, CA : Wadsworth, 1990b. — 661 p.

Turner J.H. Theoretical Principles of Sociology. Vol. 1: Macrodynamics / Jonathan H. Turner. — N.Y. : Springer, 2010a. — xx, 364 p.

Turner J.H. Theoretical Principles of Sociology. Vol. 2: Microdynamics / Jonathan H. Turner. — N.Y. : Springer, 2010b. — xviii, 348 p.

Turner J.H. Theoretical Principles of Sociology. Vol. 3: Mesodynamics / Jonathan H. Turner. — N.Y. : Springer, 2012. — xiv, 443 p.

Turner J.H. Toward a Social Physics: Reducing Sociology's Theoretical Inhibitions / Jonathan H. Turner // Humboldt Journal of Social Relations. — 1979/80 (Fall/Winter). — Vol. 7, № 1. — P. 140–155.